

Что случилось съ духовной школой, и какъ съ нею быть ¹⁾?

I.

Одинъ государственный мужъ, когда видѣлъ вокругъ себя только искательство и преслѣдованіе личныхъ интересовъ,—говорять, съ горечью восклицалъ: „гдѣ же люди? гдѣ же люди?“ Приглядѣвшись къ нынѣшнимъ семинаріямъ и семинаристамъ, приходится тоже воскликнуть: гдѣ же семинаристы? Старшіе ученики свѣтскихъ средне-учебныхъ заведеній всегда не отличались особенною религіозностью, а высшая свѣтская школа совсѣмъ стала языческою. Но гдѣ же семинаристы, которые въ былыя времена отличались своимъ трудолюбіемъ, развитіемъ, религіозностью и,—могу сказать,—нравственною чистотою? Куда дѣвался семинаристъ, про котораго говорили, что онъ есть „существо, поющее басомъ“? Куда дѣвался юноша въ черномъ суконномъ сюртукѣ, по виду неуклюжій, у котораго „странно руки торчатъ бесполезныя“,—немного грубоватый (отъ застыячивости), но милый и добродушный? Появившаяся въ семинаріяхъ съ недавнихъ поръ форма точно обезличила семинариста, точно вынула изъ него душу, сливши его съ моремъ безчисленнаго форменнаго чиновничества и студенчества съ его вѣчными протестами. И вотъ, среди мелькающихъ предъ нами черныхъ фигуръ съ бѣлыми, ясными пуговицами, попадаются какъ прежнія милыя, открытыя, цѣломудренныя лица, такъ попадаются и фигуры въ тужуркахъ, съ заложными назадъ руками, сдвинутыми на затылокъ помятыми фуражками, вызывающимъ видомъ, вообще—фигуры, олицетворяющія собою безошадный протестъ; попадаются и безцвѣтные франты на тонкихъ ногахъ въ узкихъ брюкахъ со штрипками и модныхъ ботинкахъ съ пуговицами.

Прежніе семинаристы, перейдя изъ училища въ семинарію, не сразу привыкали носить брюки „на-выпускъ“: казинетовыя

¹⁾ Статья эта въ нѣсколько иномъ видѣ и подъ другимъ заглавіемъ была напечатана въ „Рус. Дѣль“ 1906 г., въ №№ 5—6 и 7. Авг.

брюки были коротки и помяты, сапоги были „простые“, а зимой въ училищѣ даже и валеные. И что же? и теперь многіе семинаристы опять перестали ходить „на-выпускъ, щеголяя въ сапогахъ съ высокими голенищами. Но... „умысль другой тутъ есть“. Высокіе сапоги, красная рубашка или черная блуза, помятая фуражка, прикрывающая лохматые волосы—вѣдь все это такъ и кричитъ: „отречемся отъ стараго міра!..“ Прежній семинаристъ, при встрѣчѣ, неловко кланялся, снимая широкую шляпу уже послѣ поклона; теперешняя тужурка можетъ и совсѣмъ не поклониться, а тонконогій франтъ, пожалуй, „kozyрнетъ“, едва прикасаясь къ форменной фуражкѣ. И прежде въ семинаріяхъ много курили. Но, завидѣвъ „начальство“, семинаристъ, проглотивши табачный дымъ и затаивши дыханіе, судорожно мялъ папиросу въ рукѣ, высыпая горячій пепель на платъе и рискуя прожечь его. Теперь семинаристъ, завидѣвши надзирателя, или будетъ преспокойно курить или, сдѣлавши двѣ—три крѣпкихъ затяжки, швырнетъ окурокъ по-полу, зычно кашлянетъ, плюнетъ и пойдетъ независимой походкой, громко шаркая сапогами. Въ день роспуска прежній семинаристъ, выпивши гдѣ-нибудь въ „Золотомъ Якорѣ“, тихонько, подъ покровомъ ночи, пѣшкомъ пробирался на вокзалъ, неся подъ мышкой узелъ въ „мамашиной“ скатерти, постоянно нащупывая, цѣлы ли оставшіеся три четвертака, которые онъ завязалъ въ уголь носового платка. На вокзалѣ, стараясь укрыться отъ глазъ надзирателя, посланнаго инспекторомъ, онъ проходилъ гдѣ-нибудь окольнымъ путемъ и усаживался въ темный уголь вагона, а то выходилъ на площадку вагона и, свѣсившись въ темноту ночи, напѣвалъ вполъ-голоса, заглушаемый грохотомъ поѣзда. Теперь тонконогій франтъ пожалуй примчится на вокзалъ на лихачѣ, молодцовато выпрыгнетъ изъ экипажа и, роясь въ кошелькѣ для уплаты извозчику, крикнетъ носильщику: „возьмите вещи!“ Теперь семинаристы, засунувши руки въ карманы, съ гвардейской выправкой, блестя изъ-подъ шинелей голенищами сапогъ, прогуливаются по вокзалу, подойдя къ буфету, „опрокидываютъ“ рюмку въ ротъ, небрежно

и звонко бросая монету на мраморъ прилавка, а въ вагонахъ препираются съ кондукторами, затѣваютъ скандалы, „требуя“ начальника станціи.

Въ былыя времена семинаристъ, забросивши „догматику“ и „практику“, или безмятежно спалъ на задней партѣ, подложивши подъ голову словарь или библію, или, заткнувши уши, жадно читалъ около печки интересный романъ, а, прочитавши его, въ концѣ книги размахисто писалъ: „5+ совѣтую прочитать!..“ Теперь семинаристамъ подавай „Сборникъ знанія“, Горькаго, Андреева, Чирикова, Куцрина, Маркса, Лассалья, подпольныхъ брошюръ безъ „еровъ“... „Господа!—возглашалъ когда-то предъ уроками верзила-Тріодинъ,—нынче по гомилетикѣ всѣмъ отказываться! угорѣли, моль, въ спальнѣ...“ Теперь Тріодинъ, мрачный и лохматый, возглашаетъ: „Товарищи! послѣ обѣда въ столовой сходка“. И вотъ, результатомъ этой сходки являются: бойкотъ, петарды, химическія обструкціи, зловонныя жидкости и пр. и пр.

Прежній семинаристъ съ духовнаго училища въ своей сельской церкви подавалъ кадило, бойко разбиралъ деревенскія поминанья, чутьемъ угадывая непостижимыя имена и хорошо зная, что „Крысанъ“ есть „Хрисанъ“, звонилъ на колокольнѣ; когда же у кадила становился подростивій младшій братишка, то переходилъ на клиросъ, гдѣ со своимъ отцомъ и старикомъ—Ермилычемъ умиительно пѣлъ „Не отврати лица Твоего“ и „Помышляю день страшный.“ Теперь семинаристъ, проспавши заутреню, до обѣдни проситъ у матери чаю, говоря, что его тошнитъ,—идеть къ обѣднѣ послѣ Херувимской, становясь въ церкви у задней стѣнки и „наблюдая“ все происходящее тамъ,—на колокольню влѣзаетъ только смотрѣть въ бинокль пожаръ, вмѣстѣ съ барышнями,—плохо знаетъ церковныя напѣвы и совсѣмъ не умѣетъ разбираться въ богослужебныхъ книгахъ. Въ семинаріи и прежніе семинаристы убѣгали отъ богослуженія („лытали“), но какъ-нибудь задними корридорами и черными лѣстницами, мчались сломя голову чрезъ семинарскій садъ и огородъ, перелѣзали чрезъ каменную стѣну, рискуя быть схваченными за-ноги надзи-

рателемъ. Теперь семинаристы свободно уходятъ отъ богослуженія, слоняются по городу, наводняя людныя улицы, а, если и присутствуютъ въ церкви, то на соблазнъ всему православному народу.

Семинаристъ, оглашавшій прежде семинарскіе классы и коридоры „задаваніемъ премудрости“ и „къ Коринтянамъ посланія“, „И о всей палатѣ“, теперь поетъ: „скажите ей!“ или „не говорите ей“... и, увы, марсельезу!..

II.

Откуда все это? Конечно, „освободительное“ время тутъ виновато. Оно выдвинуло и осватило всякіе протесты, бойкоты, обструкціи... Но еще тогда, когда и слышно не было про освободительное движеніе, жизнь въ духовенствѣ стала уже не та, что прежде. Проѣзжая, бывало, по деревнѣ, вы, конечно, сразу догадывались, гдѣ домъ священника, гдѣ—діакона или дьячка, но вы дѣлали это по особеннымъ, иногда едва уловимымъ признакамъ. Дома духовенства, хотя и выдѣлялись тѣмъ, что были больше, и въ окнахъ привѣтливо бѣлѣли занавѣски и выглядывали цвѣты, въ общемъ были такіе же сѣрые, какъ и крестьянскія избы, и подъ такими же соломенными кровлями. На частомъ палисадника всегда мирно сушилось одѣяло, на кольяхъ торчали опрокинутые молочные горшки, которые заботливая матушка выставила на солнышко, чтобы они „прожарились“. На просторномъ крыльцѣ важно бродила насѣдка съ цыплятами или изнывала отъ лѣтней жары, высунувши красный языкъ, лохматый „Шарикъ“ или „Цыганъ“; двери въ просторныя и прохладныя сѣни всегда были отворены. Дѣти въ простенькихъ, но чистенькихъ, рубашечкахъ и платъицахъ бѣгали и рѣзвились, не признавая въ теченіи всего лѣта ни фуражекъ или шляпъ, ни сапоговъ или башмаковъ. Все было просто и патриархально. Теперь во многихъ селахъ дома духовенства, выстроенные на городской образецъ, выдѣляются среди сѣрыхъ крестьянскихъ избышекъ яркимъ пятномъ. Въ открытыя окна, иногда задернутыя занавѣ-

вѣсками съ декадентскими цвѣтами, несутся звуки рояля. „Парадные“ двери глухо заперты, сбоку бѣлѣтъ пуговка электрическаго звонка, и тутъ же стоитъ прислоненный къ периламъ подъѣзда велосипедъ. Дѣти бѣгають въ матросскихъ костюмчикахъ, въ картузикахъ съ якорями, въ башмакахъ со множествомъ пуговиць. Въмѣсто прежняго „Цыгана“ или „Шарика“ на садовой террасѣ, завѣшанной парусиной, развалился какой-нибудь „Кадѣ“ или „Нэрд“!

Есть ли гдѣ теперѣ тѣ уютныя „горницы“ съ бревенчатыми стѣнами, по которымъ развѣшаны портреты архіереевъ и генераловъ на лошадахъ,—съ чистыми полами, устланными дорожками, со старинными часами, у которыхъ маятникъ стучить рѣдко и величественно! На смѣну этихъ горницъ, въ которыхъ самый запахъ былъ какой-то важный и строгій,—пахло старинными книгами и дѣдовскимъ добромъ,—появляются гостинныя съ бездѣлшками, причудливыми пепельницами, салфеточками и мебелью, разбросанною въ модномъ безпорядкѣ, а мѣста архіереевъ и генераловъ заняли несуществующіе швейцарскіе виды съ мрачными утесами, замками и бѣшено несущимся потокомъ, пляшущія Тамары, одалиски съ громадными серьгами въ ушахъ... Развѣ въ кухнѣ, въ переднемъ углу, оклеенномъ дешевыми обоями, найдете „Страшный Судъ“ и „Страданія св. великомученицы Варвары“, глядя на которые старая кухарка вздыхаетъ о своемъ окаянствѣ.

Гдѣ дѣвались тѣ сельскія матушки-труженицы, печальницы и молитвенницы, которыя изучали буквы по словамъ: „ангель-ангельскій, архангель-архангельскій“?.. Лѣтомъ онѣ работали въ полѣ, зимой при лучинѣ пѣяли, рассказывали про путешествія ко святымъ мѣстамъ, предъ сномъ долго молились, сокрушенно вздыхая въ полутьмѣ и полагая многочисленныя земныя поклоны. Теперешняя молодая матушка-епархіалка, принимая васъ въ своей гостинной по всемъ правиламъ городской жизни, будетъ предъ вами печаловаться, что здѣсь, у нихъ „ужасная тоска—просто не съ кѣмъ слова сказать“, что только знакомство съ

семьями земскаго врача и управляющаго, гдѣ выписываются газеты и журналы, скрашиваетъ ихъ жизнь и пр., и пр.

Прежде съѣзжались на „Покровъ“ или „Казанскую“ батюшки и матушки съ дѣтьми, при-чемъ рясы, широкія платья и старинныя большія шали, — видно было, — только что были вынуты изъ сундуковъ; всѣ спокойно и чинно вели разговоръ о консисторіи, о болѣзняхъ, объ урожаѣ, о вѣщихъ снахъ... На столѣ были и брага, и своя ветчина, и сдобныя печенья, и моченныя яблоки. Пѣли сначала „Прїидите ублажимъ“, потомъ — „Коль славенъ“ и уже потомъ — „Конченъ, конченъ дальній путь, вижу край родимый“. Жена о. благочиннаго всегда плакала отъ этой пѣсни, потому что въ ней изображаются дѣйствительныя жизненныя скорби, а не похотливая любовь, какъ въ новыхъ романахъ. Теперь въ гостяхъ у священника, кромѣ упомянутыхъ земскаго врача и управляющаго въ поддевкѣ и шароварахъ, засунутыхъ въ лакированныя сапоги, встрѣтите начальника ближайшей станціи, который „вырвался“ послѣ дежурства на эту ночь и прїѣхалъ на велосипедѣ, унылаго почтоваго чиновника и даже какого-то комиссіонера съ еврейскимъ лицомъ. Разложенъ зеленый столъ, горятъ свѣчи, игроки то сосредоточенно молчатъ и отчаянно курятъ, то поднимаютъ шумъ и споръ; въ воздухѣ виситъ табачный дымъ, бренчитъ рояль, подъ которую развеселый начальникъ станціи поетъ цыганскія пѣсни: „Мой костеръ въ туманѣ свѣтитъ“, „Пара гнѣдыхъ“, „Я сгораю отъ страсти“ и т. п. На столѣ стоятъ бутылки съ непостижимыми иностранными надписями на ярлыкахъ и „Егоръ Леве“, городскія закуски въ коробкахъ. А за ужиномъ, пожалуй, поднимется сынъ батюшки — студентъ, прїѣхавшій по случаю забастовки изъ Юрьева, и скажетъ рѣчь о томъ, что теперь, молъ, когда „занимается заря новой жизни“, намъ, — деревенской интеллигенціи, необходимо сплотиться во-едино, чтобы съ открытымъ и смѣлымъ лицомъ выйдти на борьбу съ народной тьмой и невѣжествомъ..., что вотъ, молъ, онъ и поднимаетъ бокаль за лучшее будущее и т. д., и т. д. Всѣ очень довольны: какъ у нихъ все это весело и умно, какъ вездѣ у хо-

рошихъ людей! И только какая-нибудь двоюродная тетушка, призрѣваемая въ этомъ домѣ изъ милости, съ незапамятныхъ временъ одѣвшаяся во все черное и отказавшаяся отъ мяса, слыша изъ своей темной боковушки шумъ и пѣніе и лежа на своей жесткой постелѣ, крестится, вздыхаетъ и плачетъ, вспоминая прежнія времена: „Быль бы живъ дядюшка, о. Иринархъ,— царство ему небесное!—ни за что не допустилъ бы этого“,—шепчетъ она.

Гдѣ вы, далекія времена, когда на первой недѣлѣ Великаго поста и на Страстной ѣли безъ масла, не пили чаю, а къ утренѣ меня носили на рукахъ, потомучто въ валенкахъ можно было промочить ноги?!—когда въ Великую Пятницу не ѣли до Плащаницы, подь Рождество—до звѣзды, подь Крещенье—до святой воды, когда считалось грѣхомъ ѣсть яблоки до Преображенья? Всюду было самоограниченіе, воздержаніе, всюду—близость къ уставамъ Церкви. Теперь матушка Великимъ постомъ, глядишь, ѣсть скоромное: „мнѣ никакъ нельзя—я кормлю“. Боря не выносить постнаго масла—у него всегда изжога, у Маруси малокровіе, Володя и Зина еще малы—имъ надо заправляться. И старая хухарка, вздыхающая „на Страшный Судъ“, хорошо помнящая, какъ бабушка теперешней матушки совѣмъ не ѣла съ Вербнаго до Великаго Четверга и съ Великаго Четверга—до Свѣтлаго Воскресенья, ничего не можетъ понять изъ всего этого и съ недоумѣніемъ, почти со слезами готовить скоромное. Семья батюшки спитъ непробуднымъ сномъ не только во время заутрени, но, пожалуй, и обѣдни. Бѣдный батюшка одиноко постится, одиноко встаетъ къ утренѣ, одиноко приходитъ отъ обѣдни, когда только-что начинается умыванье и утренняя суета. А крестьяне, идя отъ обѣдни, дивуются, что въ батюшкиномъ домѣ еще и ставни закрыты.

(Окончаніе будетъ).

Что случилось съ духовной школой, и какъ съ нею быть?

(Окончаніе).

III.

Неужели духовное сословіе выдыхается? Неужели соль перестаётъ быть соленою (Мѡ. 5, 13)?.. Страшно осуждать огульно родное духовное сословіе, которое искони отличалось воздержностью, смиреніемъ, трудолюбіемъ, нравственною чистотою и цѣломудріемъ. Но, кажется, нужно согласиться съ тѣмъ, что

многіе и очень многіе представители этого сословія—и священники, и діаконы, и даже псаломщики стремятся и стали жить такъ называемою буржуазною жизнью съ вечерами, модными нарядами, танцами, картами, газетами, пикниками... Всѣ думаютъ, что это и есть настоящая хорошая жизнь, къ которой долженъ стремиться всякій порядочный человѣкъ, и что народъ, которому все это чуждо, живетъ въ темнотѣ и невѣжествѣ. Посмотрите на нашихъ псаломщиковъ, которые шеголяютъ въ свѣтскомъ платьѣ, и которымъ только остается надѣть форменную фуражку и тужурку съ малиновыми кантами „Вѣдомства Православнаго Исповѣданія“. Теперь вы уже рѣдко гдѣ встрѣтите прежняго дьячка, благообразнаго служителя алтаря Господня, въ длинномъ „полукафтани“, подпоясанномъ широкимъ разноцвѣтнымъ поясомъ. Подъ вліяніемъ чего совершилось на нашихъ глазахъ это переодѣванье изъ духовнаго въ „свѣтское“ платье? Подъ вліяніемъ „свѣтскихъ“, буржуазныхъ идеаловъ: „въ церкви я—псаломщикъ и, къ несчастью, долженъ бормотать на клиросѣ и по-вечеріе, и полунощницу, а во всей остальной жизни я такой же свѣтскій человѣкъ, какъ и нашъ писарь, учитель, управляющій,—могу и въ картишки поиграть, и потанцовать, а, при поѣздкѣ въ городъ, и въ театрѣ, на вышкѣ посидѣть и поглядѣть—послушать „Орфея въ аду“ или Прекрасную Елену“... Припомните, какъ въ послѣдніе годы и въ частныхъ разговорахъ среди духовенства и въ духовной печати стали толковать о замѣнѣ во внѣбогослужебное время духовнаго платья свѣтскимъ. Ссылались на очень дурной примѣръ заграничнаго духовенства, которое почему-то вообразило, что въ духовномъ платьѣ оно будетъ обращать на себя вниманіе и даже возбуждать насмѣшки. Какъ обидно было видѣть, что эти буржуазныя вождѣленія нѣкоторая духовная печать разносила по глухимъ весямъ православной Руси! Лѣтъ двѣнадцать тому назадъ мнѣ случилось быть въ одной изъ юго-западныхъ губерній. Съ какимъ изумленіемъ я глядѣлъ, какъ на вечерѣ у одного сельскаго священника нѣкоторые іереи, снимавши рясы, пустились танцовать подъ звуки еврейскаго орке-

стра! Но тогда я рѣшилъ, что это возможно только тамъ, въ сосѣдствѣ съ поляками съ ихъ мазурками и краковяками. Но теперь, увы, и въ нашей Великороссіи приходится наблюдать тоже самое.

Вотъ чрезъ эту самую „свѣтскую“ жизнь порывается связь съ прежнимъ, строго церковнымъ бытомъ. Порывается связь и съ землей; ибо можно ли стоять близко къ землѣ, проводя жизнь среди буржуазной обстановки! Сыновья и дочери въ прежней духовной семьѣ ходили на дуга сѣно убирать и въ полѣ работали, а теперь они норовятъ, какъ бы на этихъ самыхъ дугахъ пикникъ устроить, отправиться туда съ самоварами да велосипедными... Какая ужъ тутъ близость къ землѣ! Порывая же связь съ церковнымъ бытомъ и землей, представители духовнаго сословія тѣмъ самымъ порываютъ самую дорогую связь—съ народомъ и становятся въ разрядъ такъ называемой интеллигенціи. Мы уже не говоримъ про то, что поддерживать этотъ полубарскій строй жизни для духовенства очень дорого и совсѣмъ не по силамъ. Въ городахъ чиновники, учителя и прочій небогатый людъ всегда страдали отъ непосильныхъ расходовъ на различныя шляпки, платья, ротонды, тальмы, накидки и на поддержаніе всей „благородной“ обстановки. Теперь отъ этого же страдаетъ и сельское духовенство. Приѣхавши на Фоминой недѣлѣ въ городъ, сельскій батюшка,—глядишь,—чуть не весь пасхальный доходъ разноситъ по лавкамъ и магазинамъ. Матушка строго на строго приказала купить въ галантерейномъ магазинѣ и матеріи на нѣсколько кофточекъ, и лентъ, и отдѣлки, и кружевъ, и обуви, въ модномъ магазинѣ—шляпъ себѣ и дѣтямъ. А тамъ въ бакалейномъ магазинѣ нужно кое чего купить: „нельзя! сами вездѣ бываемъ—нужно чѣмъ-нибудь и гостей принять“... И вотъ бѣдный батюшка, къ своему ужасу, замѣчаетъ, что у него въ карманѣ еле остается на извозчика до вокзала и на билетъ по желѣзной дорогѣ.

Удивительно ли, послѣ этого, что семинаристъ, вышедшій изъ духовной буржуазной семьи, тяготится въ семинаріи бого-

словскими предметами и хожденіемъ въ церковь и набравшись всевозможныхъ мыслей отъ земскихъ врачей и управляющихъ, „требуешь“ естественныхъ наукъ для семинаріи и свободного поступленія въ университетъ, а семинаріи желаетъ видѣть преобразованными въ „духовныя гимназіи“, приготовляющимися къ университету?!¹⁾ Ему, не привыкшему къ самоограниченію, совѣмъ не слыхавшему объ идеальномъ пастырствѣ, разумѣется, претить надѣвать рясу, отращивать волосы, быть въ зависимости отъ благочинныхъ и консисторіи, браниться съ мужиками изъ-за платы за требу, изъ-за луговъ, изъ-за потравы и свиньи, которую „загнали съ овсовъ“. И онъ, какъ и всѣ, хочетъ быть свободнымъ и свѣтскимъ, одѣваться въ модное и удобное платье, а не таскать по грязи длинное платье,—говорить рѣчи въ судахъ, разѣзжать по городу съ портфелемъ, еле поспѣвать домой обѣдать, а вечеромъ—въ гости или въ театръ,—лѣтомъ кататься по Волгѣ, купаться въ морѣ и откуда-нибудь „со снѣжныхъ высотъ Кавказа посылать привѣтъ роднымъ и знакомымъ“...

IV.

И такъ, семинаристы не хотятъ быть пастырями Церкви. Имъ хочется, послѣ окончанія курса, надѣть на себя форму хоть какого-нибудь высшаго учебнаго заведенія: если нельзя университетскую, то, хоть бѣлые канты ветеринаровъ, чтобы впослѣдствіи, вмѣсто врачеванія душъ человѣческихъ, лѣчить коровъ и свиней!..

Что-же дѣлать? Всевозможные проекты въ общемъ предлагаютъ слѣдующее: сдѣлать свободнымъ выборъ пастырскаго служенія, а для этого отдѣлить богословскіе предметы отъ общеобразовательныхъ, отведя для первыхъ спеціальныя богословскіе курсы или факультеты, а для вторыхъ устроивши семи—или

¹⁾ Конечно, бываетъ и такъ, что у родителей съ строго-церковнымъ направленіемъ дѣти бываютъ направлены анти-церковнаго.

восьми-классныя учебныя заведенія или духовныя гимназіи. Какъ хотите, а во всемъ этомъ чувствуется что-то неладное. Превратить духовныя училища и семинаріи въ общеобразовательныя заведенія для дѣтей духовенства, оставивши, очевидно, для этихъ заведеній прежній источникъ содержанія—церковный ящикъ, а онъ, какъ извѣстно, наполняется трудовыми народными грошами! Пусть дѣти духовенства пользуются удобной и дешевой школой, а потомъ пусть свободно избираютъ путь: или надѣваются рясу, или облачаются въ адвокатскій фракъ, пройдя напередъ университетъ. Разумѣется, пойдутъ почти все въ университетъ. А народъ, неся копѣйки въ церковь, этимъ самымъ будетъ на свои средства содержать будущихъ адвокатовъ, врачей, судейскихъ, инженеровъ, но только не священниковъ. Отговорки, что и врачи, и судьи, и адвокаты нужны народу и могутъ служить ему и пр., должны быть оставлены, какъ пустыя: врачи, судьи, адвокаты, инженеры всегда будутъ, и въ нихъ недостатка не будетъ, во народу прежде всего нужны хорошіе священники, а тѣ, кто воспитался на церковно-народныя деньги, должны же отплатить Церкви и народу. Итакъ, церковныя деньги, свѣчные заводы, все эти громадныя корпуса мужскихъ и женскихъ учебныхъ заведений, иногда съ электрическимъ освѣщеніемъ,—все это, оказывается, должно не Церкви служить, а только обслуживать духовное сословіе! Не значить ли это заставлять Церковь Христову, оставивъ слово Воже, пепись о трапезахъ (Дѣян. 6, 2)? Если для дѣтей духовенства нужно общее образованіе, то вѣдь для этого есть гимназіи, реальныя училища. Въ семинаріи дешевле, и сироты—на казенномъ содержаніи? Въ томъ-то и дѣло, что хочется и дешевой или даже совсѣмъ бесплатной сословной школой воспользоваться и никакихъ нравственныхъ обязательствъ не принимать. И на церковныя деньги учиться, и Церкви не служить. Справедливо ли это?

Если земство имѣетъ при университетѣ свои стипендіи по медицинскому факультету, то имѣетъ ли оно нравственное право желать и даже требовать, чтобы воспитавшіеся на его деньги

врачи возвращались къ нему же и служили народу именно врачами, а не оказывались адвокатами, инженерами, акцизными? Государство, тратящее деньги на кадетскіе корпуса и юнкерскія училища, имѣетъ ли право ожидать, чтобы кадеты и юнкера служили именно въ войскахъ и воевали? Такъ Церковь—народъ желаетъ и ожидаетъ, чтобы люди, воспитавшіеся на церковно-народныя деньги, возвратились къ Церкви—народу же въ священномъ санѣ, а не оказывались адвокатами, акцизными, податными инспекторами, желѣзнодорожниками. Могутъ возразить: кадетъ тоже имѣетъ право отказаться отъ военщины, какъ семинаристъ—отъ рясы, если онъ или въ учебномъ заведеніи или по выходѣ изъ него почувствуетъ, что эта военщина не соответствуетъ его убѣжденіямъ. Вѣрно. Но какое же имѣетъ право сей кадетъ требовать, чтобы совсѣмъ не было той военной школы, которая приплась ему не по вкусу? или—желать, чтобы она была обращена въ простую общеобразовательную школу, въ которой не будетъ ничего военного? Если бы въ какомъ-нибудь ремесленномъ училищѣ ученики вдругъ взбунтовались: „не хотимъ быть столярами! не хотимъ быть переплетчиками! не хотимъ быть слесарями“!..—то неужели отсюда выходитъ, что нужно это училище передѣлать такъ, чтобы въ немъ не осталось ни столярнаго ремесла, ни переплетнаго, ни слесарнаго?!. Если многіе семинаристы не хотятъ быть священниками, то, это—ихъ добрая воля, это—ихъ право и мы оставимъ за ними это право. Но какое же они, ихъ отцы и всѣ другіе имѣютъ право желать и требовать, чтобы духовныя семинаріи и училища были уничтожены?—ибо превращеніе семинарій и духовныхъ училищъ въ общеобразовательную школу есть уничтоженіе духовной школы. Духовная школа нужна для Церкви, а не для семинаристовъ въ тужуркахъ. Подобно сему, сыны вѣка сего, лѣнвые и косные для поста и молитвы, осуждаютъ не себя и свое сластолюбіе, а посты и церковную службу и желаютъ отмѣны постовъ и церковныхъ службъ, чтобы,—такимъ образомъ,—не они поступались своимъ сластолюбіемъ, а Церковь—своими сокровищами уставовъ и молитвъ.

V.

Сначала—общее образованіе, а потомъ—богословское. Послѣ общаго молодой человѣкъ долженъ свободно избрать дорогу: въ университетъ или во священники (или еще куда-нибудь). Кажется, неоспоримая истина. Но,—опять,—все ли тутъ ладно? Очевидно, учить и воспитывать съ первыхъ школьныхъ лѣтъ можно двояко: такъ-сказать „общеобразовательно“ и въ строго-церковномъ духѣ. Почему же удерживается только первый путь, а второй зачеркивается?.. Изъ того, что семинаристы не хотятъ служить Церкви Божіей, развѣ слѣдуетъ, что нужно совсѣмъ бросить попытку съ дѣтскихъ лѣтъ подогрѣвать религиозное настроеніе и даже вырачивать пастырей церкви? Если слушаться семинаристовъ, то вѣдь—Боже мой!—Черезъ какія-нибудь двадцать лѣтъ они потребуютъ отмѣны обязательности и тѣхъ немногихъ священныхъ и церковныхъ предметовъ, которые учѣлбуютъ въ общеобразовательной программѣ, какъ недавно гимназисты въ своихъ „петиціяхъ“ требовали необязательности Закона Божія. Если реформы въ духѣ семинарскихъ петицій желаютъ и сами преподаватели духовно-учебныхъ заведеній, то не значить ли это, что они не въ силахъ со своею богословскою наукою вдохнуть въ своихъ питомцевъ церковно-пастырскій духъ и потому уповаютъ на реформу, которая свалила бы съ ихъ плечъ эту нравственную тяготу?!. Или ужъ и многимъ преподавателямъ духовно-учебныхъ заведеній, хотя и питомцамъ духовныхъ академій, стала чужда церковная жизнь съ постами и меѣмонами, и, взамѣнъ этого, стала дорога суетная жизнь интеллигенціи съ клубами, картами, благотворительными спектаклями, концертами и вечерами подъ воскресенья?!

Мы очень преклоняемся предъ моднымъ кумиромъ—„свободою“, и совсѣмъ забыли про то, что есть любовь и вѣра въ Бога. Если у меня есть дѣти, и я люблю ихъ, то я не стану ждать, пока въ нихъ „свободно“ раскроется то или другое настроеніе (ибо свободно-то раскрывается большею частію только

плохое), какъ садовникъ не будетъ ждать, пока дерево свободно выростетъ кривымъ, — а непременно, Богу содѣйствующу, постараюсь, чтобы раскрылось *только* хорошее настроеніе. Вѣдь азбучная истина: свобода не въ томъ, чтобы избирать плохой или хорошей путь, а — въ томъ, чтобы имѣть въ себѣ силы пойти *только* по хорошему пути, не соблазняясь плохимъ. Если же держаться ходячаго понятія о свободѣ, то нельзя и младенцевъ крестить, и дѣтей молитвамъ и Закону Божию учить, и въ церковь ихъ водить ¹⁾: а ну-ка младенецъ, когда выростетъ, скажетъ — „я хочу быть язычникомъ“!.. Слѣдуя этому же началу свободы, нашъ крестьянинъ не долженъ склонять сына въ 18 лѣтъ вступать въ бракъ: это — нарушеніе свободы. Значить, пусть сынъ „вѣшается“, блудитъ и дурную болѣзнь навиваетъ. Нельзя родителямъ отклонять дѣтей отъ необдуманныхъ браковъ: пусть свободно сходятся, знакомятся, женятся и выходятъ замужъ, чтобы чрезъ годъ испытать семейный адъ, стрѣляться или измѣнять, называя прелюбодѣяніе „свободною любовью“!

Если человѣческая душа по природѣ „христіанка“, если св. Тимоѳей изъ дѣтства зналъ священныя писанія, которыя его умудряли во спасеніе (2 Тим. 3, 15), если въ церковныхъ службахъ и тропаряхъ говорится о святыхъ, что они „отъ юности возлюбили Христа“, то не безумно ли уничтожить школу, которая на всемъ протяженіи на первомъ мѣстѣ ставитъ все божественное и церковное?! Какъ-ни-какъ, эта школа вѣрно служила Церкви Божіей и православной Россіи, воспитавши великій сонмъ русскихъ пастырей и архипастырей. Тутъ нечего указывать, что изъ этой школы вышли профессора университетовъ, попечители округовъ, товарищи министровъ, — какъ дѣлають ²⁾ нѣкоторые, думая тѣмъ возвеличить духовную школу.

¹⁾ Да это и проповѣдуютъ нѣкоторые, полагающіе, что религиозное воспитаніе должно быть изгнано изъ школы и предоставлено семьѣ.

²⁾ И совершенно напрасно. Это все равно, какъ если бы морская школа стала хвалиться, что она выпускаетъ отличныхъ воздухоплателей.

Достаточно указать, что изъ духовной школы вышли: святитель Тихонъ Задонскій, Теофанъ—Затворникъ, Амвросій Оптинскій, Іоаннъ Кронштадтскій... Но что будетъ съ превращеніемъ духовной школы въ общеобразовательную?! Если я замѣчу въ своемъ мальчикѣ сильную религіозность, или если вообще мнѣ захочется воспитать его въ строго-церковномъ духѣ и даже подготовить изъ него будущаго пастыря, то мнѣ, съ уничтоженіемъ теперешнихъ училищъ и семинарій, очевидно, некуда будетъ отдать его учиться: я долженъ буду ждать, когда, послѣ общаго образованія, въ немъ *свободно* раскроется влеченіе къ пастырству, и только тогда уже отдать его на „богословскій факультетъ“ или „богословскіе курсы“! Да онъ, вращаясь среди нынѣшней учащейся молодежи, до этихъ факультетовъ—то или курсовъ тысячу разъ потеряетъ свою религіозную настроенность и сблается атеистомъ!.. Да и что такое эти факультеты или курсы? Что они могутъ дать будущему пастырю? Вѣдь это же не какіе-нибудь кулинарные курсы, на которыхъ человекъ въ короткое время можетъ превратиться въ повара? Неужели намъ превратиться въ протестантовъ, у которыхъ вся вѣра, вся религія свелись къ богословской наукѣ, а эта послѣдняя въ лицѣ многихъ представителей, объяснивши и истолковавши каждое слово св. Библии, просмотрѣла одно: Сына Божія, пришедшаго во плоти“ (1 Іоан. 4, 2—3)?!

Кончаемъ свои разсужденія. Семинаріи и духовныя училища служатъ Церкви Божіей, а не сословію, и не уничтожать ихъ нужно или ослаблять въ нихъ церковный духъ, а усилить этотъ духъ. Пусть будетъ усилена церковность и въ духовныхъ академіяхъ, откуда выходятъ наставники семинарій и училищъ. Только на такую школу со спокойною совѣстью можно тратить церковно-народныя деньги. А на проэктируемую „духовную гимназію“ можетъ и совсѣмъ не поступить денегъ изъ церковнаго ящика... Нѣтъ сомнѣнія, что великое множество дѣтей духовенства по-прежнему будетъ учиться въ духовной школѣ. Вѣдь теперешнее духовное юношество просто сбито съ толку, какъ теперь сбито

съ толку все русское общество. Но, можетъ быть, духовная школа все-таки будетъ наполняться дѣтьми духовенства бастующими, жаждущими, вмѣсто литургики и гомилетики, естественныхъ наукъ, читающими во время церковной службы по уголкамъ романы? Тогда раскройте двери духовной школы всѣмъ, уничтожьте въ ней привилегіи духовнаго сословія, предоставьте удобства, которыми въ ней пользуются дѣти духовенства (содержаніе сиротъ на казенный счетъ), для всѣхъ. Вѣдь найдутся же среди сыновъ Россіи такіе, „колѣна которыхъ не преклонялись предъ Вааломъ, и уста которыхъ не лобызали его“ (3 Цар. 19, 18)!

С. Ц.